

— Но, — подумал он, — если удастся задержаться хоть на день, и то хорошо.

Холодный дворец — место не из легких. Ли Лин потратил три дня, чтобы досконально изучить это пристанище. Первые два дня он занимался починкой и латанием дыр, приводил всё в относительный порядок. На третий день начал размышлять о том, как добыть провизию.

По дворцовым правилам каждому принцу полагалось ежемесячное довольствие: рис, мука, мясо, овощи, уголь, ткани — всё по списку. Но одно дело — положенное, и совсем другое — получить это на руки. В такое место, как холодный дворец, никто добровольно ничего не принесет. Нужно идти самому, да еще и выпрашивать, смиренно ожидая, соизволят ли выдать.

До того как попасть сюда, Ли Лин наведалься в нужные места и разузнал, что ведает выдачей евнух по прозвищу Сунь-Живодер. Этот человек с любого проходящего мимо гуся хоть клочок шерсти, да выщипнет — всё, что попадало в его руки, подвергалось безжалостному обиранию. Дашь достаточно серебра — получишь всё, что причитается. Не дашь — будут тянуть неделю-другую, а в итоге подсунут гнилье.

У Ли Лина не было серебра, но идти было необходимо. В то утро, когда он заглянул на кухню, дно рисовой кадки уже просвечивало. Та миска каши, что доставалась седьмому принцу, становилась всё жиже. Ребенок ничего не говорил, когда ел, но Ли Лин видел, как он раз за разом вылизывает дно.

На четвертый день, едва рассвело, он отправился в Ведомство внутренних дел.

Сунь-Живодер сидел в кабинете и попивал чай. Увидев входящего незнакомого евнуха, он даже не поднял век:

— Что надо?

Ли Лин сделал два шага вперед, поклонился и одарил его угодливой улыбкой:

— Здравствуйте, дедушка Сунь. Я новый слуга из холодного дворца, фамилия Ли. Пришел получить ежемесячное довольствие для седьмого принца.

— Холодный дворец? Седьмой принц? — Сунь-Живодер наконец поднял взгляд и усмехнулся: — А какой это седьмой принц?

Вопрос был с подвохом. Принцев во дворце много, а о тех, кто не в фаворе, никто и не помнит. Но Ли Лин понимал: Сунь-Живодер прекрасно знает, о ком речь, просто хочет посмотреть, как тот выкрутится.

— Отвечаю дедушке Суню, это принц Чэнь Юань, — Ли Лин слегка согнулся в пояснице, сохраняя почтительный вид и ровный голос.

Сунь-Живодер отставил чашку, не спеша откинулся на спинку стула и окинул его взглядом с ног до головы:

— Новенький? То-то же. Раз только пришел, многих правил не знаешь. Поставки в холодный дворец всегда идут с задержкой. В этом месяце еще не подоспело, приходи через неделю-другую.

С задержкой? Ли Лин внутренне усмехнулся. К тому времени рис давно закончится. А придешь через полмесяца — у Сунь-Живодера наверняка найдется новая отговорка. Однако внешне он не подал виду, оставаясь всё таким же почтительным:

— Дедушка Сунь, я просматривал записи перед приходом. В прошлом месяце довольствие для седьмого принца выдали не полностью. Если в этом месяце снова затянуть, боюсь...

Он не успел договорить, как лицо Сунь-Живодера переменялось.

— Ты что имеешь в виду? — он выпрямился, прищулив глаза. — Ревизию наводишь? Ты, мелкий евнух из холодного дворца, смеешь проверять мои счета?

Ли Лин поспешно согнулся:

— Что вы, что вы, где уж мне, рабу, иметь такую дерзость. Я просто беспокоюсь, что вы, дедушка Сунь, человек занятой, вдруг перепутаете даты, а потом при сверке счетов возникнут неувязки — не хотелось бы, чтобы из-за этого вы лишний раз хлопотали.

Сказано мягко, но смысл жесткий: в прошлом месяце ты не додал, в этом снова тянешь — если дело дойдет до проверки, тебе придется несладко.

Сунь-Живодер долго смотрел на него, а потом вдруг рассмеялся.

— Парень, а ты интересный. — Он встал, подошел к Ли Лину и обошел вокруг него. — В каком дворце служишь?

— В холодном, — Ли Лин опустил глаза.

— В таком месте, где годами ни одной живой души. И ты пошел прислуживать тому... — он не договорил, но в его тоне сквозило явное пренебрежение.

Ли Лин промолчал, опустив голову еще ниже. Сунь-Живодер зашел ему за спину, наклонился и понизил голос:

— Паренек, дам тебе совет. Тот господин — человек сложный. Те, кто обкрадывал его, исчисляются десятками, и никто еще не поплатился. Ты новичок, стоит ли оно того, чтобы за него заступаться?

Ли Лин продолжал смотреть в пол, не проронив ни слова. Сунь-Живодер похлопал его по плечу — не сильно, но с явной угрозой:

— В этом дворце каждый день кто-то умирает, и никто не спрашивает почему. А в холодном дворце, если кто и сгинет — даже в записях не отметят. Ты понимаешь, о чем я?

Ли Лин поднял глаза и встретился взглядом с Сунь-Живодером. В его глазах не было ни страха, ни гнева — лишь спокойствие, глубокое, как омут.

— Наставления дедушки Суня я запомнил, — сказал он тем же ровным тоном.

Сунь-Живодер на мгновение опешил. Реакция этого евнуха была совсем не такой, как он ожидал. Тот должен был испугаться, начать молить о пощаде, уйти, поджав хвост. Но вместо этого он стоял прямо, без тени подобострастия, и на его лице даже блуждала легкая улыбка. Она не вызывала раздражения, но и не была заискивающей.

Сунь-Живодер вдруг засомневался. Что это за человек?

Они смотрели друг на друга несколько мгновений. Первым отвел взгляд Сунь-Живодер. Он фыркнул, вернулся на свое место и кивнул в сторону:

— Вон там вещи. Забирай и проваливай.

Ли Лин повернул голову: в углу на полу лежала кучка продуктов — полмешка риса, крошечный кусок мяса, несколько вялых овощей и небольшой сверток угля. По сравнению с тем, что полагалось, здесь не было и половины.

Он ничего не сказал, просто подошел, собрал всё по отдельности и уложил в тканевый мешок. У самого выхода он остановился, обернулся и кивнул Сунь-Живодеру:

— Благодарю, дедушка Сунь. Раб откланивается.

Сунь-Живодер промолчал, сверля взглядом его спину. Как только дверь закрылась, он сплюнул:

— Ишь, выискался.

Стоявший рядом младший евнух подошел и шепотом спросил:

— Дедушка Сунь, этот парень... может, стоит...

Сунь-Живодер махнул рукой, не отвечая. На душе было беспокойно. Взгляд того евнуха — слишком уж спокойный. Настолько, что пробирает до мурашек. Откуда у обычного слуги из холодного дворца такая уверенность?

Ли Лин шел обратно, шаг не быстрый и не медленный, на лице — ни радости, ни гнева. Слова Сунь-Живодера крутились в голове: каждый день кто-то умирает, в холодном дворце это даже не заметят. Это не угроза, это правда. Смерть евнуха во дворце — как капля в море, а уж смерть слуги опального принца — и подавно.

По характеру своей прошлой жизни он должен был бы стать еще тише, больше улыбаться и меньше наживать врагов. Но сегодня... стоило вспомнить того худого, маленького ребенка в старой одежде, который раз за разом вылизывал пустую миску, как внутри поднималось глухое раздражение. Это раздражение не давало ему прогнуться, не давало отступить, не давало позволить этим людям и дальше обкрадывать ребенка.

Он и сам не понимал, что с ним происходит. В прошлой жизни он привык держаться в стороне, соблюдая принцип моя хата с краю, так почему же здесь, ради незнакомого ребенка, он не может сдержать гнев?

Подойдя к холодному дворцу, он замедлил шаг, глубоко вдохнул и постарался подавить эмоции. Нельзя, чтобы ребенок это увидел. У него и так жизнь горькая, не хватало еще видеть рядом с собой вечно хмурого слугу.

Он толкнул дверь — во дворе пусто. Ли Лин взглянул на главный зал: дверь приоткрыта, внутри тишина. Он отнес продукты на кухню, только успел поставить мешок, как услышал за спиной тихие шаги. обернулся — седьмой принц стоит у порога кухни и заглядывает внутрь. Его большие круглые глаза на мгновение блеснули, увидев Ли Лина, но тут же потухли, и он сделал шаг назад, застыв в подобающей позе.

Ли Лин посмотрел на него, и раздражение вдруг рассеялось. Он кивнул на принесенные продукты:

— Ваше Высочество, довольствие за этот месяц получено.

Седьмой принц подошел и взглянул на кучку продуктов. Мало, конечно, но куда лучше того, что он видел раньше. Он поднял голову, губы его дрогнули, и он произнес лишь два слова:

— Спасибо.

Ли Лин кивнул и, больше ничего не говоря, принялся за работу. Высыпал рис в кадку, натер мясо солью и подвесил в тени, овощи, хоть и завяли, после промывки вполнегодились в пищу.

Седьмой принц стоял рядом. Он наблюдал, как Ли Лин возится с продуктами, как аккуратно всё раскладывает. Посмотрев некоторое время, он вдруг тихо спросил:

— Ты... когда ходил за продуктами, тебя не обидели?

Руки Ли Лина замерли, он не обернулся:

— Нет.

Седьмой принц не поверил. Прежний евнух после каждого похода за едой проклинал всё на свете, обзывал слуг Ведомства последними словами. Однажды он даже поранил руку и всю дорогу ругался, не замечая, как капли крови падают на землю. Как могло случиться, что этот

евнух вернулся без ссор?

Он открыл рот, хотел спросить еще, но побоялся. Он привык быть один, привык молчать. Прежний евнух, кроме ругани, почти не разговаривал с ним, а иногда швырял вещи и тыкал пальцем в лицо: Ты что за принц такой? Ты хуже собаки!

Седьмой принц тогда сжимался в углу и не смел издать ни звука. Вспоминая это, он невольно сжал край своей одежды. Поколебавшись, он снова спросил, еще тише:

— Они... тебя не били?

Ли Лин обернулся. Увидев это выражение лица — когда хочется спросить, но страшно навлечь беду, — он почувствовал, как сердце сжалось от боли. До чего же довели этого ребенка, если он стал таким пугливым?

Он положил последний пучок овощей в таз, повернулся и присел, чтобы оказаться с принцем на одном уровне.

— Ваше Высочество, — сказал он, смягчив голос, — меня никто не бил. Продуктов, правда, маловато, но на еду хватит. Теперь я буду ходить за ними каждый месяц, со временем их станет больше.

Седьмой принц смотрел на него, в его глазах что-то блеснуло. Губы задрожали, и он с трудом выдавил:

— Ты... не спорь с ними. Пусть будет мало, я не боюсь голода.

От этих слов у Ли Лина защемило в груди. Ребенок, которому всего несколько лет, говорит, что не боится голода. Сколько же раз он должен был голодать, чтобы произнести такое? Ли Лин прожил больше двадцати лет, но никогда не думал, что фраза я не боюсь голода может звучать так мучительно.

Спустя долгое время он наконец нашел в себе силы ответить:

— Вы не будете голодать, Ваше Высочество.

Седьмой принц смотрел на него с каким-то неясным чувством. Это не была благодарность или зависимость, скорее, осторожная попытка довериться. Ли Лин понял этот взгляд. Он не стал ничего добавлять, просто встал и продолжил работу. Слова ничего не значат, всё доказывают только дела.

Седьмой принц постоял еще немного, и, видя, что слуга молчит, тихо развернулся и ушел. У порога он снова оглянулся. Ли Лин сидел на корточках и мыл овощи, делая это очень тщательно — листок за листком, оставляя только самое свежее.

Седьмой принц постоял, глядя на него, и вдруг прошептал:

— Ли... Ли Лин, ты... ты тоже не голодай.

Сказав это, он, словно смутившись, сорвался с места и убежал. Тихий топот его ног быстро затих во дворе. Ли Лин так и остался сидеть на корточках, сжимая в руке листик овоща, и долго смотрел в одну точку.

Он опустил голову и продолжил мыть овощи, а уголки его губ сами собой поползли вверх.

Ли Лин подбросил в печь последние дрова, в котле забулькала горячая вода. Рис, полученный сегодня, был куда лучше той залежалой крупы, что они ели раньше. Он промыл его дважды, нарезал кусочками мясо и поставил вариться на медленном огне — получилась каша с мясом.

Аромат еды наполнил кухню, даже у самого Ли Лина потекли слюнки. Он всегда всё делал основательно. В прошлой жизни, живя один, он освоил кулинарию, а позже, когда из-за работы приходилось питаться доставкой, подзабыл это искусство. Кто бы мог подумать, что после перемещения этот навык снова пригодится.

В этот момент за спиной послышались тихие шаги. Ли Лин не обернулся, он и так знал, кто это.

— Ваше Высочество, — сказал он, глядя на кашу, — еще немного, и будет готово.

В ответ тишина. Ли Лин немного подождал и обернулся. Седьмой принц стоял у порога кухни, не входя внутрь. Его старая, не по размеру большая одежда висела на нем мешком, делая его еще меньше. Руки он держал за спиной, не зная, куда их деть, а глаза были прикованы к котлу. Он едва заметно втягивал носом воздух. В этот миг он был похож на котенка, который почуял запах мяса, но боится подойти.

Ли Лин отвел взгляд и продолжил помешивать кашу. Наконец, еда была готова. Он наполнил миску, поставил на старый деревянный стол и положил палочки.

— Ваше Высочество, прошу к столу.

Седьмой принц подошел и сел. Он держался очень правильно: спина прямая, руки на коленях, словно его кто-то этому учил. Но взгляд был прикован к миске, кадык едва заметно двигался.

Ли Лин стоял в стороне и ждал. Седьмой принц взял палочки, зачерпнул немного каши, подул и отправил в рот. Глаза его мгновенно загорелись. Каша вышла густой, рис разварился, мясо было мягким, а вкус — в самый раз. Каждый глоток согревал изнутри. Он ел всё быстрее, но всё равно сдержанно, не издавая ни звука.

Ли Лин смотрел на него и вдруг вспомнил фразу из сети: по тому, как ребенок ест, можно сразу понять, хорошо ли его воспитали. Этот ребенок ел так, будто его учили манерам. Но то, что он был таким худым, ясно говорило — хорошо его не содержали. Сердце Ли Лина дрогнуло, но он не подал виду.

Седьмой принц съел половину миски и вдруг поднял голову, заметив, что Ли Лин смотрит на него. Он замер, посмотрел на миску, потом на Ли Лина, словно что-то поняв. Он отложил палочки и пододвинул миску к Ли Лину.

— Ты... тоже ешь, — прошептал он.

Ли Лин покачал головой:

— Я не голоден, Ваше Высочество. Ешьте больше сами.

Седьмой принц посмотрел на миску, потом на него, помедлил, но все же взял миску и продолжил есть. Теперь он ел медленнее, долго пережевывая каждый кусочек, словно боясь, что еда закончится.

Ли Лин стоял рядом. Его взгляд падал на ребенка. Его старая одежда, эта разруха, скудное довольствие — всё это говорило об одном: о нем забыли. Принц, который должен был жить в роскоши, существовал хуже, чем ребенок служанки.

Ли Лин не знал, какой была его мать, но был уверен: она была доброй женщиной. Иначе ребенок не сидел бы за столом так прямо, не говорил бы спасибо и не хотел бы поделиться едой в такое время. Он так задумался, что не заметил, как принц закончил.

Седьмой принц прибрал за собой, встал и слегка поклонился. По дворцовым правилам, даже с теми, кто тебя обслуживает, нужно быть вежливым.

— Благодарю, — сказал он.

Ли Лин опомнился и слегка опустил голову:

— Вы слишком добры, Ваше Высочество. Это мой долг.

Седьмой принц стоял на месте, не уходя. Он опустил голову, словно о чем-то размышляя. Через мгновение он поднял взгляд, его большие глаза смотрели на Ли Лина, губы дрогнули, но снова сжались. Ли Лин ждал. Ребенок снова опустил голову, а через минуту опять поднял.

— Тот... — его голос стал еще тише, — сейчас... никого больше нет.

Ли Лин не понял. Лицо принца слегка покраснело, кончики ушей тоже. Он опустил глаза, ресницы дрожали, и он прошептал:

— Ты... ты всегда зовешь меня Ваше Высочество.

Ли Лин замер. Принц продолжал:

— Я знаю... это правила. Когда есть люди, так и надо. Но сейчас... никого нет...

Он поднял глаза, быстро взглянул на Ли Лина и снова опустил их:

— Ты... можешь звать меня Юань-эр.

Ли Лин смотрел на этого ребенка. Он стоял перед ним, едва возвышаясь над старым столом. Лицо крошечное, глаза огромные, уголки глаз от природы слегка красноватые. Старая одежда висела на нем, подчеркивая худобу. Когда он произносил это, его уши стали пунцовыми, а голос звучал едва слышно, как писк комара — видно было, что он набрался огромной храбрости.

Ли Лин знал правила дворца. Между слугой и господином — четкая грань. Господин есть господин, раб есть раб. Даже если господину семь лет, а слуга старше его на десяток лет, эту грань нарушать нельзя. Он должен был отказаться. Он должен был сказать: Раб не смеет.

Но он не смог. Эти глаза смотрели на него с ожиданием, тревогой и страхом быть отвергнутым. Взгляд напоминал котенка, который протягивает лапку, но готов в любой момент отдернуть ее, если коснутся.

Ли Лин открыл рот, слова отказа вертелись на языке, но когда он заговорил, получилось лишь одно:

— ...Хорошо.

Глаза Юань-эра мгновенно загорелись. Этот свет был таким ярким и искренним, словно он не ожидал, что тот согласится. Но он тут же опустил голову, пряча радость, и прошептал:

— Тогда... тогда я пойду.

Он развернулся и пошел прочь, а у самого выхода еще раз оглянулся на Ли Лина. Ли Лин всё еще стоял там, глядя на него. Юань-эр закусил губу, уголки его рта едва заметно дернулись в улыбке, и он быстро побежал прочь.

Ли Лин остался стоять на кухне, глядя на исчезающую маленькую фигурку. Он вдруг почувствовал, что сегодня ведет себя странно. Почему он согласился на то, в чем должен был отказать? Но стоило вспомнить этот взгляд, как слова отказа застревали в горле.

Он покачал головой и принялся мыть посуду.

Той ночью пошел дождь. Сначала мелкий, шуршащий по оконной бумаге, а потом всё сильнее, с громом, который рокотал прямо над головой. Ли Лин лежал на деревянной кровати в боковом флигеле, слушая шум ливня, и почти заснул.

Вдруг он услышал стук в дверь. Очень тихий, почти заглушенный дождем, словно стучавший боялся кого-то потревожить. Но Ли Лин услышал. Он встал, накинул одежду и подошел к двери.

За дверью стоял Юань-эр. Он промок до нитки. Старая одежда прилипла к телу, с волос стекала вода, лицо было мокрым — не разобрать, то ли дождь, то ли слезы. Он обхватил себя руками, дрожа от ночной прохлады, губы побелели. Увидев, что Ли Лин открыл дверь, он поднял голову. Глаза были красными, в них стояли слезы, которые он изо всех сил старался удержать.

— Я... — его голос дрожал, — я боюсь...

Он не успел договорить, как небо озарила вспышка и прогремел оглушительный гром. Юань-эр вздрогнул, инстинктивно сделал шаг в сторону двери, но остановился, боясь, что его прогонят.

Ли Лин смотрел на него. Ребенок стоял под дождем, промокший до костей, весь дрожащий, но не смеющий войти, лишь спрашивающий с порога. Ли Лин вдруг почувствовал, как что-то внутри него сжалось от острой боли.

— Заходи.

<http://bllate.org/book/18783/1823127>